

КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЗАПАДНЫХ ТЕОРИЯХ

В статье рассматривается концепция гражданского общества в контексте современной политической теории. Автор сопоставляет различные нормативные модели демократии и различные институты гражданского общества. Анализируя теории гражданского общества, возникшие в XIX-XX вв., автор выделяет основные позиции, представленные в трудах Ю. Хабермаса, М. Поланьи, Р. Дарендорфа и других ученых.

Необыкновенный исторический успех возрождения концепции гражданского общества, как считает А. Арато, состоялся благодаря новой «радикально-реформистской или же эволюционной – словом, двоякой стратегии, направленной на преобразование диктатур, – сначала на Востоке, а вскоре после того в Латинской Америке, – на основе идеи самоорганизации общества, воссоздания общественных связей вне рамок авторитарного государства, а также апелляции к независимой публичной сфере, минуя всякую официальную, контролируемую государством или партией коммуникацию» [1].

Используемая в таком духе концепция гражданского общества стала общим ориентиром стратегии борьбы с тоталитаризмом сначала в Польше, а затем и в других странах Восточной Европы и всего мира. В ходе этих процессов выяснилось, что большинство стран не имели гражданского общества в смысле институционализированной, правовым образом разграниченной сферы общественной жизни, как оно, в частности, описано Г.-Ф. Гегелем и А. де Токвилем. Значит, необходимо было концептуально отличить неформальные социальные связи, солидарные сообщества и взаимоотношения от более формализованных и институционализированных структур гражданского общества.

Но, как утверждает Арато, «самоорганизующиеся движения, инициативы, ассоциации, а также сообщества публичной сферы, приводящие социальное в движение, тоже, в свою очередь, отличны как от латентных связей – носителей автономии общества, так и от институционализированного гражданского общества, каким мы его знаем на Западе.

Таким образом, вместо единого понятия приходится выработать три, а затем и увязать их между собою достоверным, историчным образом. В своей книге мы так и делаем отчасти, различая гражданское общество как движение и как институт: первое – как своего рода учредительное гражданское общество, которым создается второй – учреждаемая, институционализируемая его версия» [2].

Критикуя сторонников транзитологии, Арато утверждал, что смещение от гражданского общества к политическому в процессе смены режима неизбежно ведет к полной демобилизации и атомизации гражданской сферы: «Мы полагаем, что стабилизация демократии и ее будущие перспективы демократизации зависят от развития комплексной и обоюдной связи между гражданским и политическим. Аналогичным образом, далее, необходимо различать экономическое общество, выделяемое на основе форм собственности, и чисто экономические ассоциации, отличая то и другое от политического общества, выделяемого на основе избирательного права и политических партий, и от гражданского общества, выделяемого на основе прав в области коммуникации, а также от гражданских ассоциаций и движений. В итоге получается пятичастная конструкция, которой мы заменили традиционный дуализм государства и общества» [3].

В русле подобного научного подхода особо следует выделить значение и возможности применения концепции полицентризма, выдвинутой Майклом Поланьи в книге «Логика свободы» [4]. Поланьи выделяет два различных метода организации и решения общественных проблем, на которых основаны два различных типа социального порядка. Один из них определяется как «продуманный» («deliberate») или «направляемый» («directed») социальный порядок, координируемый и контролируемый верховной властью посредством единой командной структуры. По сути, этот тип порядка эквивалентен гоббсовскому понятию суверенитета, при котором существует высший властный авторитет, обладающий монополией в отношении прерогатив правления и инструментов принуждения в обществе.

Другой тип организации и решения общественных задач определяется Поланьи как «спонтанный» («spontaneous») или «полицентрический» («polycentric»). Он понимается как порядок, при котором множество элементов адаптируются друг к другу в рамках общей системы

правил, где каждый элемент действует независимо от других. В пределах определенной совокупности правил лица, самостоятельно принимающие решения, вольны преследовать свои собственные интересы, не выходя за рамки, очерченные этими действующими правилами.

«Следует подчеркнуть, – отмечают по данному поводу П. Бергер и Т. Лукман, – что концептуальные механизмы поддержания универсума сами являются продуктами социальной деятельности, подобно всем формам легитимации, и очень редко их можно понять независимо от деятельности рассматриваемой общности. Примечательно, что успех определенных концептуальных механизмов зависит от власти, которой наделены те, кто управляет этими механизмами» [5].

В большом объеме западной литературы, посвященной этой проблеме, можно найти и многочисленные примеры того, что полезность классической (в смысле либеральной) антиномии гражданское общество – государство подвергается сомнению. Отмечается, напротив, что государство, как и гражданское общество, реализует идентичные цели, достигая их, однако, с помощью отличных средств и форм институционального действия. При этом обращается внимание на то, что из-за их структурного и функционального различия следует отказываться от определения четких границ и сфер деятельности и призывать государство к взаимоуважению полномочий институтов гражданского общества.

Согласно этой точке зрения, Ральф Дарендорф описывал гражданское общество как «творческий хаос, разнородность переплетающихся друг с другом ассоциаций, каждая из которых имеет собственные основы существования, а зачастую и собственную историю и специфические формы членства» [6]. По его мнению, сохранение свободы как структурной ценности возможно лишь там, где государство скудно и ограничивается выполнением основных функций или где гражданское общество само упорядочивает ассоциации, претендующие на тотальность.

Еще более резкую критику «закрытому обществу» во всех его интерпретациях дал Карл Поппер. По его мнению, главным критерием демократичности общества является рациональная личная ответственность. Критикуя «закрытое общество», Поппер сравнивал его с организмом: «Так называемая органическая

или биологическая теория государства достаточно успешно применима к нему. Закрытое общество сходно со стадом или племенем в том, что представляет собой полуорганическое единство, члены которого объединены полубиологическими связями – родством, общей жизнью, участием в общих делах, одинаковыми опасностями, общими удовольствиями и бедами» [7].

Тем самым, на наш взгляд, Поппер с индивидуалистических позиций негативно оценивал саму необходимость институционализации гражданского общества, его структуры и их функциональную зависимость от государства. Он утверждал, что «большинство социальных групп современного открытого общества (за исключением некоторых счастливых семейных групп) являются не более чем суррогатами, поскольку они не создают действительных условий для общественной жизни. И многие из них не обладают никакой реальной функцией в жизни общества в целом».

Проблема определения «общего блага» в плюралистическом индустриальном обществе становится центральной проблемой коммунитаризма (течение в американской политической философии, возникшее в 1980-е гг.). Идеи, пропагандируемые коммунитаристами, содержали большой заряд критики в отношении либерального проекта государственного устройства, особенно его нормативных оснований. Основным обвинением, выдвигаемым ими в адрес либералов, было утверждение, что практическое употребление теории крайнего индивидуализма или чисто договорного характера общественных связей ведет к моральному хаосу, утрате чувства идентичности у членов данного сообщества и, в конце концов, приводит к утрате веры в силу и эффективность демократических институтов.

Адаптируя основные идеи Аристотеля к условиям современных либерально-общественных политических отношений, коммунитарии требовали замены либерального «мегаобщества» на собственную модель, где необходимым условием эффективного функционирования каждого гражданского сообщества является активное членство личности в различных формах практики (политика, искусство, наука, семейная жизнь). Благодаря ему развивается гражданская компетентность и собственная моральная идентификация. Указывалось, что привитие индивиду способностей к участию в действиях, предпринимаемых данным сообще-

ством, дает ему статус гражданина, а затем активизирует и функционирование всей системы демократических институтов [8].

Исходя из этих предпосылок, Б. Барбер предлагал в качестве средства преодоления слабости либеральной демократии собственную модель «сильной демократии», опирающейся на всеобщее из всех средств участие ее членов в управлении или широких публичных дискуссиях. Указывая на огромное значение различных форм активизации граждан в общественной и публичной жизни, Барбер утверждал, что ни одна гражданская теория не может исходить из таких догматов политического либерализма, как индивидуализм и подчинение общественных интересов частным целям [9].

Делая акцент на взаимозависимости отношений личности, гражданского общества и государства, создатели анализируемых концепций непосредственно или опосредованно предполагают, что рынок (право собственности) не играет уже главной роли в организации гражданского общества, поэтому организацию современного гражданского общества нельзя сводить только к экономическим структурам.

В проходивших в 80-90 годы прошлого века политических дискуссиях этот тезис нашел многочисленные и разнообразные идеологические обоснования. Некоторые исследователи подчеркивают, что, учитывая проблемы и вероятные угрозы для жизнеспособности демократических институтов, нельзя надеяться, что демократическое общество не только возникнет спонтанно, но и будет так же спонтанно изменяться и поддерживать себя. Поэтому, по утверждению американского исследователя В. Острома, нужно исходить из того, что создание, функционирование и сохранение полицентрических систем порядка должно быть глубоко продумано.

По его мнению, такие системы «опираются на уже накопленный опыт и не могут быть созданы просто при помощи слов, закрепленных на бумаге, будь то в форме конституций либо статутов или эдиктов, изданных автократическим правителем. Они зависят от людей, которые знают, что они делают, и обладают работающими стандартами, с помощью которых они могут оценить свои успехи или неудачи. «Спонтанное» развитие, которое ассоциируется с пробами и ошибками, может породить больше неудач, чем успехов. Свобода и справедливость – это критерии, которые невозмож-

но измерить так же, как измеряют полученный денежный доход» [10].

Для нашего исследования важна концептуальная посылка В. Острома о том, что автономный характер полицентрических систем подразумевает их способность к самоорганизации. Она проявляется в том, что множество автономных элементов или единиц стремятся упорядочить свои взаимоотношения, не обращая для этого к какой-либо внешней власти. «Самоорганизующиеся системы превращаются в самоуправляющиеся (федеральные системы), когда управляемые обладают равной свободой и равным статусом при установлении порядка, а прерогативы правления эффективно распределены между множеством представителей, каждому из которых общество доверило действовать в определенных пределах» [11].

Интересный методологический тезис о взаимоотношениях между политической и неполитической сферами был обоснован немецким социологом и политологом Н. Луманом. По его мнению, «не только самоутверждение политической системы перед лицом широкого спектра общественных источников власти является долговременной политической проблемой. В такой же точно степени проблематичным оказывается и сохранение функциональной спецификации других систем именно как других» [12].

Эта двойная проблематика возможных угроз, с которыми, с одной стороны, сталкивается политическая система, а с другой стороны – неполитизируемый, функционально диффузный характер общественной власти, также в свою очередь подвержена общественным трансформациям. Острота и масштабность этой проблематики зависят, кроме того, от многих других факторов и изменяются вместе с ними. Основную роль здесь, по мнению Н. Лумана, играют функциональные взаимозависимости и слоевые структуры. «Возрастающие взаимозависимости умножают политически не контролируемые источники общественной власти (что отнюдь не означает, что и формы проявления этой власти тоже не контролируются политически)» [13].

Несомненное влияние на направление обсуждаемой проблемы оказали начавшиеся в 60-70 гг. прошлого века споры вокруг вопросов, связанных с морально-правовым обоснованием гражданского неповиновения, принципами справедливости Даниэла Белла, Брайна Барри или значением и типами политической культу-

ры. Наиболее интересными были работы Габриэля А. Алмонда, Сиднея Вербы, Бэнтама Пауэла.

Сформировавшийся идейный и политический климат стимулировал новый подход к связям между гражданским обществом и государством, характеру и специфике связей между личностями внутри самого гражданского общества.

Различия взглядов, проявляющиеся в ходе дискуссий, со временем коснулись широкого круга вопросов и проблем, относящихся как к организации общественной жизни, функционированию государственных институтов и рынка, так и к факторам, определяющим предпочитаемые гражданские добродетели и поведение личности, общества. Совокупность проблем, затрагиваемых в дискуссиях, касалась фундаментальных с точки зрения демократического общества вопросов, а именно его нормативных и институциональных оснований.

Основной теоретической и исследовательской проблемой на Западе стали пересмотр и определение нового смысла и содержания гражданского общества в условиях кризиса институтов «опекающего» государства и возрастающей на этом фоне популярности либерально-консервативных концепций общественно-экономического устройства. Важную роль в развернувшихся политических дебатах сыграли общественные движения, объявившие разрыв со «старой парадигмой» политического становления развитых государств Запада (рост экономики, распределение и безопасность) в пользу «новой парадигмы» (постматериализм, автономия личности, неформальность и спонтанность). Подвергнув некоторые из этих явлений критическому анализу, Клаус Офф отметил, что на макро- и микросоциальных уровнях начала вырисовываться выраженная тенденция к нивелированию линии раздела на «политические» и «частные» (например, моральные, экономические) инициативы и способы деятельности. Внешним выражением эволюции системы ценностей и гражданского поведения должна была стать организация различных общественных групп в новые общественные движения, нацеленные на политизацию институтов гражданского общества.

Говоря о необходимости реорганизации общественно-политических отношений, сторонники либерально-консервативного направления утверждали, что существующая структура и принципы этих отношений характеризу-

ются чрезмерной регламентацией свободной деятельности личности со стороны государства (особенно в рыночном пространстве); разрастанием правовой системы, являющейся орудием контроля активности граждан и в результате исчезновением чувства индивидуальной ответственности и традиционных либеральных добродетелей, составляющих фундамент «свободного строя» (Ф. фон Хайек, М. Фридмен).

Теоретико-философские основы постулируемого гражданского общества они видели прежде всего в политической доктрине Д. Юма, А. Фергюсона, Дж. Локка и А. Смита. К их интеллектуальному наследию обращался Ф. фон Хайек, доказывая, что идеалом либерального свободного общества является спонтанно возникшее в ходе эволюции устройство (определенное как космос), управляющее общими (абстрактными) принципами и признающее главными идейно-моральными ценностями свободу, частную собственность и соревнование [14]. По его мнению, «конкуренция представляет собой процедуру открытия, узнавания нового – процедуру, присущую эволюции во всех ее формах, заставляющую человека помимо своей воли вписываться в новые условия» [15].

Провозглашаемые Ф. фон Хайеком и представителями так называемой «Чикагской школы» лозунги стали интегральной составляющей тетчеризма, рейганомики, теории «нового управления» общественным строем, теории общественного выбора.

В крайней версии, представляемой, например, либертарианскими группировками, эти взгляды вели к возникновению сомнения в популярности таких политических ценностей, как государство или общество. По мнению ведущего представителя американского либертариизма Мюррея Ротбарда, эти понятия являются лишь вербальными иллюзиями, метафорами, не обозначающими реальных предметов. «Государство – это не что иное, как определенное объединение личностей, договорившихся между собой называться государством» [16].

Новое возрождение интереса к проблеме было связано с результатами «бархатных» революций в Восточной Европе, совершенных новыми общественными движениями, возникшими вопреки воле существовавших политических режимов и противостоящими государству [17].

Совершенно иные мотивы легли в основу изучения возможностей употребления понятия «гражданское общество» в условиях реформи-

рования социального устройства стран средней и Восточной Европы, начиная со второй половины 1980-х годов. Развитие так называемого альтернативного общества и наблюдаемое в политологических исследованиях 70-80-х годов формирование биполярного типа социальной самоидентификации, выражающегося делением на «мы» и «они», склонило некоторых исследователей к расширению границ понятия «гражданское общество» и его распространению на те общества, которые в самой малой степени отвечали стандартам его определения.

Авторство широко используемой в 80-е годы в описаниях состояния польского общества понятийной и аналитической схемы – гражданское общество versus государство (коммунистическое) – приписывается Эндрю Арато. Принимая за точку отсчета своих рассуждений некоторые аспекты демократизации и либерализации в Польше в 1980-1981 годы (легализация «Солидарности», становление свободной прессы, возникновение сети союзов и организаций гражданского характера и т. д.), Арато утверждал, что изменение типа власти в этой стране носит черты либерального различия между гражданским обществом и государством [18].

Тон публикаций такого рода значительно изменился по мере того, как расширялся спектр проблем, в рамках которого рассматривалось становление структур гражданского общества в Польше, Венгрии и других странах. Принятие во внимание при анализе таких моментов, как развитие демократических традиций, ментально-культурного наследия тоталитарной системы, характера общественных и политических сил, доминирующих в общественной жизни, приводит исследователей к тому, что образ этого общества, оценки перспектив его развития становятся все более сложными и неоднозначными.

Все это усугубляется результатами углубленного анализа, демонстрирующими структурную и функциональную зависимость возрождающегося гражданского общества от других политических и социальных институтов (таких, как церковь, рынок, государство, общественные структуры и т. д.). Отказ от анализа или поверхностный подход к анализу этих явлений склонили многих исследователей к выдвиганию упрека в злоупотреблении понятием «гражданское общество» и упрощенном подходе к вопросу о совокупности условий, делающих возможным его употребление. Сформировалась даже точка зрения, согласно которой

идея гражданского общества в условиях посткоммунистических обществ стала формой неосуществимого мифа, поддерживаемого главным образом интеллигенцией.

Формируется мнение, что гражданское общество – это сложная, многоуровневая система действующих друг на друга факторов и явлений социального, культурного, морального, экономического и политического характера, поэтому механическое перенесение образцов или попытки его введения (конструирования сверху), как правило, приводят к деформации самой цели или инструментальному использованию ее отдельными политическими группами.

По мнению В. Гавела, десятилетие посткоммунистических преобразований ясно показало, что «идею возрождения гражданского общества новые политические элиты восприняли либо с вялым безразличием, либо с откровенным неприятием. Как сразу выяснилось, не по душе им отдавать хоть часть той гипертрофированной власти, которую они унаследовали от коммунистического режима. Парадоксально, но за нее судорожно цепляются многие политики-демократы и антикоммунисты. И потому центральная администрация по-прежнему управляет школами, больницами, культурными и прочими учреждениями, которые вполне могли бы работать самостоятельно и за работой которых государство должно бы просто наблюдать со стороны, а если и дотировать их деятельность, то таким образом, чтобы это финансирование было абсолютно прозрачным» [19].

На сегодняшний момент, по мнению российских ученых, в западной науке практически общепризнано существование двух основных традиций понимания гражданского общества, соответствующих разным политическим теориям, так называемым L- и M-традициям [20].

L-традиция, связанная с исследованиями Дж. Локка, трактует гражданское общество как определенную стадию развития общества в противопоставление «естественному состоянию», «нецивилизованному» обществу. Эта традиция считается англо-американской: в качестве ее главных представителей называют таких основателей либерализма, как А. Смит, А. Фергюсон, Т. Пейн и др. [21].

В современной интерпретации определение гражданского общества в рамках этой традиции можно сформулировать как общественное устройство или «государство особого типа, в котором юридически обеспечены и политичес-

ки защищены основные права и свободы личности» [22]. В данном определении в качестве основных признаков гражданского общества выделяется необходимость защиты либеральных ценностей, что является одним из важнейших феноменов Нового времени, когда шел процесс формирования либерально-демократической политической системы. Поэтому «гражданское общество» стало тем понятием, которое наиболее полно описывало новое политическое и общественное устройство, в котором во главу угла был поставлен гражданин как полноправный член общества.

М-традиция была названа так в честь одного из ее основателей Ш. Монтескье, и в ее рамках под гражданским обществом понимается «набор независимых ассоциаций граждан, опосредующих отношения между индивидом и государством и в случае надобности защищающих свободу индивида от посягательств власти» [23]. Другим важнейшим представителем этой традиции является А. де Токвиль, автор работы «Демократия в Америке», в которой большое внимание отводится добровольным ассоциациям граждан, нередко противостоящим государству и защищающим от него гражданские свободы [24].

К этой традиции можно отнести широко распространенную интерпретацию гражданского общества как сферы социума – сферы внегосударственных отношений, структур и институтов. Как следует из данного определения, гражданское общество определяется методом исключения: оно – это все, что не является государством. Это широкое понимание, в узком же смысле гражданское общество чаще всего понимается как набор независимых от государства гражданских ассоциаций.

Со временем обе эти традиции перестали противопоставляться друг другу, поскольку разные исследователи обращают свое внимание на разные элементы обеих традиций.

Таким образом, подводя итоги анализу различных концептуальных подходов к изучению гражданского общества, можно выделить следующие теоретико-методологические посылки, которые важны для нашего исследования.

В процессе длительного исторического развития в западной науке сформировались и приобрели устойчивое содержание понятия государства и гражданского общества. Государство рассматривалось как политическая организация, осуществляющая власть и устанавливаю-

щая определенный порядок на территории страны. Под гражданским обществом подразумевалась совокупность добровольно сформированных общественных организаций и неполитических отношений, отражающих частные, групповые интересы. В XIX-XX вв. содержание этих понятий существенно расширилось, не выходя за рамки ранее сложившихся исторических представлений. Благодаря возрастанию роли личности между гражданским обществом и государством началось взаимодействие.

Тем не менее анализ литературы показал, что как в доктринальном, политико-философском плане, так и на практике до сих пор в западной науке не сформировалась единая, четко очерченная модель этого общества, которую можно было бы использовать в сравнительном анализе или как нормативный образец для оценки политического, социального или экономического развития различных стран, в том числе и современной России.

Начиная с XVIII в. понятие гражданского общества в западной общественно-политической мысли использовалось как:

- 1) показатель степени, состояния цивилизованности (civility) общества;
- 2) следствие процесса цивилизации;
- 3) политический термин, позволяющий противопоставление западного типа государственного управления восточному деспотизму;
- 4) категория, содержащая экономический подтекст, противопоставляющая «цивилизацию» таким обществам, в которых не было частной собственности.

В XIX и XX вв. под гражданским обществом многие стали понимать просто человеческое общество; другие усматривали в нем элемент политической организации. Интересно, что одни видели в гражданском обществе источник поддержки существующего политического строя, а другие – средоточие оппозиции.

Так, в англосаксонском мире гражданское общество и государство обычно считались взаимодополняющими, а не враждебными друг другу силами, отчего понятие «гражданское общество» и утратило там свое специфическое значение.

Во многих же европейских странах гражданское общество понималось как источник противостояния государству, поскольку там деятельность государства сводилась к вмешательству последнего в частную и корпоративную жизнь граждан.

В обоих случаях для гражданских обществ характерны три особенности. Во-первых, наличие множества ассоциаций или, в более общем плане, центров социальной власти. В этом смысле гражданское общество несовместимо с жесткой, единовластной государственной машиной. Во-вторых, относительная независимость этих

центров от социальной власти. В силу своей способности к самоорганизации они противятся контролю со стороны государства. И, в-третьих, чувство гражданской ответственности, а также цивилизованное поведение и активная гражданская позиция – все это необходимые элементы подлинно гражданского общества.

Список использованной литературы:

1. Арато А. Концепция гражданского общества: возрождение, упадок и воссоздание – и направления для дальнейших исследований // Полис. 1995. №3. С. 48.
2. Арато А. Указ. соч. С. 49.
3. Там же. С. 50.
4. См.: Polanyi M. *The Logic of Liberty: Reflections and Rejoinders*. Chicago, 1951.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 178.
6. Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному обществу // Социс. 1993. №5. С.33.
7. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 218.
8. См.: Sandel M. *Liberalism and the Limits of Justice*. Camb. 1982.
9. См.: Barber B. *Strong Democracy, Participatory Politics for a new Age*. N.Y. 1984.
10. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество / Пер. с англ. М., 1993. С. 257.
11. Там же. С. 258.
12. Луман Н. Власть / Пер. с нем. М., 2001. С.143–144.
13. Там же. С. 144.
14. См.: Hayek F. *Constitution of Liberty*. L., 1983. PP. 55–57.
15. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Пер. с англ. М., 1992. С. 38.
16. Цит. по: Sorman G. *Prawdziwi myslciele naszymi czasow*. Warszawa, 1993.
17. См.: Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 38.
18. См.: Там же, С. 93.
19. <http://index.org.ru/journal/16/havel.html>
20. См.: Белокурова Е.В. Концепция гражданского общества в российском прочтении: обзор публикаций последних лет // Граждане и власть: проблемы и подходы. М., СПб, 2001. С. 29.
21. См.: Хархордин О. Проект Достоевского // Pro et Contra. 1997. Т. 2., №4. С. 38.
22. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социальная структура и стратификация в условиях формирования гражданского общества в России / Под ред. З. М. Голенковой. М., 1995. С. 13.
23. Хархордин Указ соч. С. 39
24. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992.